

Оба близких друг к другу списка — список *Т* и Угличский — смягчают сатирический тон повести, менее конкретны в описаниях. Если в большинстве списков 2-й редакции Лещ назван крестьянином или холопом, а о Ерше говорится, что знают его на Москве «бразники, голыши кобацкие, всякие нищие и убогие люди», то в Угличском и списке *Т* Лещ живет у Ерша «в соседях», а Ерш известен на Москве «одним лишь небогатым людям» (отметим, что по списку 2-й редакции БАН, 19.2.38 Лещ также живет у Ерша «в сусетстве»)⁶. Во многих списках 2-й редакции пристав Окунь отпускает понятого Мня оттого, что «пался на его великие посулы». В Угличском списке Окунь делает это просто «по дружбе».

И в Угличском и в списке *Т* чувствуется вторичная, иногда чисто механическая правка повести, которая привела к выпадению некоторых деталей, восстанавливающихся по другим спискам 2-й редакции. Так, в Угличском списке свидетели Ерша Сиг и Лодуга оказываются жителями Новгородского уезда, тогда как в других списках этой редакции Лодуга обитает в Ладожском озере. Однако в Угличском списке в нескольких местах текст сильно испорчен. Отдельные, плохо сохранившиеся слова можно восстановить по списку *Т*.

Угличскому списку присущи некоторые — очевидно, поздние — сокращения. Так, Лещ в нем говорит судьям о том, что «знают Ерша на Москве князи и бояря и всякие люди», а по списку *Т* Ерш известен еще дьякам, подьячим и гостям-сурожанам. Древний термин «сурожане», который, по свидетельству Н. А. Баклановой,⁷ исчез в XVII в., сохранился лишь в двух списках 2-й редакции: в списке ГИМ, собр. Забелина, № 546 и в списке *Т*.

Вместе с тем новый, Угличский список имеет общие черты и с текстом 1-й редакции, которая наиболее близка архетипу повести. В этом списке понятой Сом (а в большинстве других списков 1-й и 2-й редакций — Мень) обращается к приставу со словами «братец Окунь». То же читаем и в древнейшем списке 1-й редакции — списке ИРЛИ, 1.27.105,⁸ в то время как в большинстве остальных списков понятой называет пристава «господин Окунь». После отказа Сомы быть понятым пристав Окунь, по тексту Угличского списка, берет в понятия «Язя да Саблю да с пригоршни Молю». Только лишь в двух древнейших списках 1-й редакции — в том же списке ИРЛИ, 1.27.105 и в списке БАН, собр. Тимофеева, № 5 — фигурируют эти же персонажи (отметим, что в одном из списков 1-й редакции — ГИМ, собр. Уварова, № 1926 (135) — этот текст также читается в несколько измененном виде: «Язя да Саблю да пригоршни мелкой рыбы»). В большинстве остальных списков первых двух редакций «Повести о Ерше Ершовиче» упоминается или Язь, или Головль.

Так же как и во всех списках 1-й редакции, в Угличском списке истец Лещ призывает в свидетели Сига и Лодугу, но Ерш не верит им потому, что «Сиг да Лодуга — рыба велика и прожиточна, а мы, господа, люди малы...». В списке *Т* эта фраза отсутствует.

С древнейшими списками 1-й редакции Угличский список сближается и в конце повествования. В списках 2-й редакции рассказ Осетра ведется от первого лица, и возникает недоразумение, о котором писала Бакланова:⁹ одно и то же лицо выступает на суде и в роли пострадавшего, и в роли

⁶ Список БАН, 19.2.38, относящийся ко 2-й редакции повести, очень близок Забелинскому, изданному А. Н. Афанасьевым в книге «Народные русские сказки» (т. I, Изд. 3-е, М., 1897, стр. 61—62).

⁷ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче». — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 310.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира..., стр. 10.

⁹ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести о Ерше Ершовиче», стр. 312.